

Чем люди живы?

Авраам оказал Богу гостеприимство и в это же время, словно пользуясь правами хозяина, умолял Судию всей земли о милосердии к жителям Содома. Трогательен и несколько страшен этот разговор, где ведется как будто торговля, и ставка все понижается и понижается. «А если сорок, а если тридцать, а если двадцать...»

Истребление Содома и Гоморры и спасение Лота

Авраам спрашивал, склоняясь все ниже, а Бог отвечал ему, и из этого разговора на все времена людям стоит уяснить несколько великих вещей. Во-первых, Богу небезразлично происходящее на земле, и Он готов вмешаться. Во-вторых, кто-то молится о мире, хотя миру до времени это и не интересно.

Потом, когда чаша наполнится, а число праведников достигнет минимального предела, беды посыплются на всех подряд.

А до этого часа праведники не носят отличительных внешних знаков. Их никто не знает в этом качестве, и сами они вряд ли уверены в своем избранничестве. Но когда мера общих беззаконий переполнится, и миловать уже будет поздно, а карать необходимо, праведник будет спасен, «как бы из огня». И праведность его окажется не абсолютной. В безопасной обстановке, как в случае с Лотом, она окажется относительной, даже сомнительной, хотя внутри Содома Лот был выше всех (в нравственном отношении) на голову.

Если в городе нет праведников, то город долго не простоит. Если там один праведник, Бог найдет способ вывести этого одного, а с остальными поступить, как положено. Все это – не что иное, как нравственное обоснование продолжающегося бытия мира. Что-то мы знаем о мире и о законах его развития. Но это «что-то» по сути – ничто.

Мир являет нам накрашенное лицо постаревшей красавицы, уверенной в своей неотразимости. Но по истине он открыт Богу с той изнанки, с той внутренней и нравственной стороны, с которой только Ему видно, долго ли ещё продолжаться привычному ходу событий, или секира уже положена при корне дерева. Возникает вопрос о последних праведниках. Сколько их? Где они? Чьими молитвами всё еще стоит мир?

Среди «авраамических религий» эта тема – общая. У евреев и мусульман со времен авраамовых первенцев, то есть еврейских и арабских праотцев, хранится эта мысль о наличии в мире небольшого числа людей, чья праведность оправдывает продолжение его бытия. Эта мысль повторяется у Исаяи в словах о священном остатке. Очень близка она и христианам, Новому Израилю, который тоже понимает, что есть разница между горстью золота и телегой навоза, и что молитвы одного человека, соответственно, могут выслушиваться Богом внимательнее, чем голоса тысяч других людей. Эта тема весьма разработана, и внимательный исследователь найдет немало интересного и в деталях, и в целом.

Заметим еще и то, что в мирской жизни один богач привычно пользуется благами, избыточными даже для многих сотен людей. Его чернильная ручка или запонки, портсигар или булавка для галстука могут стоить денег, сумма которых для многих покажется фантастической.словно на вершину пирамиды залазит богатый человек, где в гордом одиночестве он видит одни макушки и плечи обслуживающего персонала. А в случае со святыми все наоборот. Пирамида переворачивается, и святой человек оказывается лежащим под всей тяжестью сооружения. На него давят все, сидящие сверху. Там, ни о чём не подозревая, усаживаются беспечные «обычные люди», чье комфортное сидение оплачено невидимой для них мукой носильщика.

Богатые традиционно не задумываются о бедных. Но и грешники независимо от зажиточности традиционно не думают о святых и праведных, хотя их молитвами продолжают жить в мире. Пара деревень может год работать на барина, который съест с гостями эти труды всего за один бал или продует за один присест к карточному столу. Это не секрет.

Но несколько деревень могут жить молитвами одного праведника, которого все держат за дурачка. Целый «любимый город может спать спокойно», пока в нем раздаются чьи-то молитвы (скорее всего – самого незаметного человека). Вот эта-то обратная зависимость многих от немногих скрыта от повседневного мышления.

Так кем же мир стоит, и чем люди живы? Без какого праведника «нести граду стояния?» Этот вопрос твердила долгими годами нравственно-озабоченная русская литература: Гоголь, Лесков, Толстой и, вестимо, Достоевский.

Привычнее всего в поисках ответа обратить свой взор на священников и монахов. И это правильно. Для того они и живут на свете. Но горе, если они сами скажут: «Это мы и есть, иных не ищите». Такая обращенность взора на себя есть симптом уже совершившейся внутренней катастрофы. Нет, это мирянину свойственно искать света в иноках и священниках. Сам священник должен знать, что в иной многоэтажке на двенадцатом этаже, уложив детей спать, некая мать молится горячее, проще и чище, чем иной из иноков в своей келье или иной батюшка у Престола.

Есть страдальцы, хранящие веру и не ропщущие. Их молитвы, должно быть, сильны. «Воззовут, и услышит их Господь». Есть люди, честные в исполнении долга – воинского, врачебного, сыновнего. Может они и молятся не часто, но если попросят, то не получают отказа. Искать этих людей специально не надо. Подлинный праведник не имеет понятия о своей праведности, и смирение себя смирением не назовет. Но нужно мыслить в эту сторону. Ведь у нас действительно есть множество людей, которых слышит Господь, одних – за простоту, других – за жертвенную самоотдачу, третьих – за переносимые или перенесенные страдания.

Лесков искал праведников и между чудаками, и между священниками. Достоевский нашел их в Оптиной. Толстой тоже нашел, но сделал вид, что не нашёл и продолжил искать. Гоголь сгорел в поисках образа идеала. Хотя в Оптиной был. Но все они искали и находили эту неброскую праведность еще и в толще народа.

Об этой обретенной красоте есть страницы и главы у Бунина, у Тургенева в «Записках охотника». «Материн двор» Солженицына тоже об этом.

Русский народ – правдолюб. Он правды хочет. Причем не для себя одного, а для всех. Это желание за столетия поселилось и вызрело в нем не от декларации прав человека и гражданина, а от Духа Святого через Таинство Крещения и великопостные молитвы. И это явный признак принадлежности нас к семени Авраамову, в котором мы по обетованию – наследники.

Велико чудо того, что смирение себя смиренным не сознает. И мы праведников не замечаем, не ищем. А как начнем искать, то, чего доброго, Зосиму с Ферапонтом перепутаем (см. «Братья Карамазовы»). Зато лукавый враг праведников знает. Он не то чтобы видит, но чует их, как Баба Яга – русский дух. И не вступает с ними в явную борьбу, но оплетает их разными сетями – мелкими, а потом крупными, – чтобы повалить и задушить.

Эта тайная борьба не прекращается за кулисами мировой театральной сцены, на которой пляшут политика, экономика и массовое искусство.

И Авраам, предстоя Богу, понижает счет: «Сорок? Тридцать? Двадцать? Пятнадцать?»

Протоиерей Андрей Ткачев.

